

«Группа восьми»: анализ и оценки деятельности в отечественной и зарубежной историографии».

Панова В.В.

По вполне устоявшемуся определению, «Восьмерка» - это неформальный механизм взаимодействия промышленно развитых государств. Если за рубежом деятельности этого форума уделяли и продолжают уделять серьезное внимание уже с начала образования «Группы», т.е. с середины 70-х годов, то в отечественной историографии это явление еще достаточно мало изученное и оно начало приобретать популярность среди исследователей лишь в последние годы. Такое положение, как представляется, вероятно, связано в первую очередь с тем, что Россия лишь недавно стала участником этого элитного «клуба».

Взгляды на многочисленные проблемы, связанные с причинами возникновения, различными аспектами деятельности и ролью «Группы» на мировой арене, отражают весь спектр мнений научно-исследовательских кругов на функционирование и последующее развитие современной системы международных отношений.

Если начинать с самых истоков, т.е. причин и целей создания «Группы семи» (в «восьмерку» она превратилась позже, с включением в эту структуру России, датировка коего события также трактуется неоднозначно), то большинство

исследователей в первую очередь обращают внимание на кризисную ситуацию в сфере экономики в международном масштабе. Коллектив отечественных авторов в своей «Системной истории международных отношений» отмечает, что «нарастание экономических трудностей в середине 70-х годов стимулировало более масштабную координацию между ведущими западными странами... Целью совещания [в Рамбуйе] была разработка механизма и основных направлений координации усилий стран Запада в интересах преодоления стоящих перед ними трудностей, прежде всего экономических». Т.н. «теневая восьмерка» обозначает эти цели более конкретно, как «проведение неформальной, но жесткой «экспертной оценки» достижений и мероприятий в своих странах, а также создание стратегий сотрудничества, позволяющих добиться результатов, которые члены клуба не смогли бы получить, действуя в одиночку».

Особое внимание обращается на нефтяной кризис 1973-74 годов. Так, российский исследователь Луков В.Б. в своей монографии «Россия в «Большой восьмерке»: 1992-2001 гг.» пишет: «История создания этого «клуба» восходит к 1975 году, когда президент Франции Жискара д'Эстен пригласил на закрытую неформальную встречу лидеров США, Англии, ФРГ, Италии и Японии для обсуждения путей вывода западной экономики из энергетического кризиса».

В другом своем исследовании он развивает эту мысль:

«Энергетический кризис 1974-75 гг. с особой силой продемонстрировал ограниченность возможностей США влиять на экономическую ситуацию в мире (выявилась неспособность ведущих стран Запада к преодолению или смягчению последствий энергетического кризиса чисто национальными средствами, возникла необходимость координации действий в отношении ОПЕК».

Авторы доклада «Большая восьмерка»: возрождение лидерства» также утверждают, что «изначально клуб создавался преимущественно для противостояния давлению протекционистских кругов, как неизбежному следствию первого нефтяного кризиса начала 1970-х», вследствие чего наиболее успешной «сферой приложения политических инициатив» и стала международная торговля. Богатуров А.Д. считает, что «хотя поводом встречи была проблема стабилизации снабжения нефтью, дискуссии вскоре переключились на вопросы макроэкономической координации».

Того же мнения придерживается и канадская исследовательница Джина Стефенс, отмечая наряду с этим еще и другие экономические факторы, такие как коллапс Бреттон-Вудской системы и общий экономический спад. И именно поэтому, по ее мнению, «в первые годы своего существования «семерка» была в первую очередь обеспокоена координацией экономической политики внутри этих стран», и, соответственно, «Рамбуйе и первые последующие годы не стали крупными

событиями с точки зрения глобального управления».

Луков В.Б. также подтверждает справедливость этих доводов: «Прогрессирующее ухудшение экономического, внешнеторгового, валютно-финансового положения США сделало коллапс Бреттон-Вудской системы неизбежным. 15 августа 1971 года президент США объявил о прекращении конвертируемости доллара в золото и ввел 10%-ный налог на импортные товары (отмена налога увязывалась Вашингтоном с разработкой новой международной валютно-финансовой системы, основанной на плавающих курсах ведущих западных валют), а также на 10% была снижена помощь США иностранным государствам. Эти события стали первым звеном в последующей цепи событий и были расценены другими странами Запада, как объявление экономической войны».

В середине 70-х стали формироваться качественно новые отношения взаимозависимости в треугольнике США – Западная Европа – Япония. Наиболее ощутимым проявлением этой тенденции стал значительный рост роли экспорта как фактора экономического развития ведущих западных государств, быстрыми темпами стали увеличиваться взаимные торговые связи между США и ключевыми странами ЕС и Японии. «Соответственно встала необходимость создания переговорных механизмов для регулирования торговых конфликтов, ставших как никогда «чувствительными» для национального бизнеса и правительств».

Большинство авторов, соответственно, соглашаются в том,

что основной международно-политической причиной возникновения «Группы семи» стала эрозия гегемонии США в мире. Так, канадский исследователь Джон Киртон приводит в поддержку данного тезиса следующие данные: в 1955 году США обладали более, чем 59% совокупного ВВП девяти ведущих стран [имеются в виду страны «семерки», а также СССР и КНР], что определяло тот факт, что Вашингтону никто не был нужен для управления миром, но в 70-х годах ситуация изменилась (теперь доля США в этой же группе составляла 44,6%, а к 1979 году вообще снизилась до 41%). То же самое можно увидеть и на примере соотношения сил только стран «семерки» – доля США в совокупном ВВП «Группы семи» снизилась (в период с 1960 по 1975 годы с 61,21% до 45,46%), а показатели, например, Японии и Германии возросли (с 5,2% до 14,94% и с 8,71% до 12,52% соответственно); в области мировой торговли экспорт США снизился с 15,8% до 12,3%; с 1970 по 1975 годы доля США в валютных резервах «семерки» снизилась с 12,83% до 7,5% (и наоборот, ФРГ повысилась с 36,19% до 42,54%, а Японии – с 16,19% до 19,39%).

Увязывая экономику непосредственно с политикой, Дж. Киртон делает акцент на несостоятельности политики США в тот период. Как и другие исследователи отмечая крах Бреттон-Вудской системы фиксированных обменных курсов и конвертируемости доллара в золото в августе 1971 года, он как следствие отмечает также обострение отношений Соединенных Штатов с голлистской Францией и обвинение Вашингтона со

стороны Парижа в ведении войны во Вьетнаме. Через два года мировое сообщество с разочарованием отметило «мертворождение» Токийского раунда многосторонних торговых переговоров, что разительно отличалось от удачного раунда Кеннеди (1962-67гг.). Следующим звеном в цепи событий стала война в октябре 1973 года на Ближнем Востоке, эмбарго на нефть и повышение цен на нее, а также подрыв североатлантической солидарности. Важной вехой явилось испытание в мае 1974 года ядерного оружия Индией и окончание десятилетнего перерыва в процессе ядерного распространения. И, наконец, в апреле 1975 года стало свершившимся фактом падение сайгонского режима и поражение США во вьетнамской войне, и как результат повышение потребности Вашингтона в союзниках с тем, чтобы восстановить глобальное управление, бывшее в их руках с 1945 года. К этому же времени относится и формирование стратегического паритета между СССР и США.

Эти события продемонстрировали ограниченность внешнеполитических ресурсов Соединенных Штатов. Также оказалась под вопросом эффективность «военной силы, как средства реализации национальных интересов на мировой арене (не случайно в это время появляется т.н. доктрина Никсона, ставшая отражением необходимости острой потребности разделения «издержек лидерства» и выразившаяся в переходе от Pax Americana к выборочной гегемонии в отдельных сферах)».

В качестве еще одного стимула формирования «семерки» можно рассматривать и развертывание американо-советской разрядки (Киссинджер писал, что уже к августу 1972 года вскоре после первого советско-американского саммита в странах Западной Европы появилась «обеспокоенность по поводу нашего нового сотрудничества с Советами, которая сочеталась со страхом по поводу общей склонности США сокращать свои обязательства за рубежом»). Более того, трансатлантические отношения вышли на новый уровень, с тех пор западные союзники стали способны гораздо больше настаивать на собственных взглядах.

Соответственно, не отрицая в принципе экономической подоплеки происходящего, английский исследователь, а также бывший шерпа британской стороны сэра Николас Бэйн так же, как и его канадский коллега, делают большой акцент на политическую составляющую, выделяя три основных цели, стремление достичь которые определило в большой степени образование «семерки», а именно необходимость:

1. Обеспечения коллективного управления (collective management) мировой экономикой, при том, что Европа, Япония и Канада делят ответственность с США (в терминах авторов серии книг о глобальном управлении – «семерка» является «одним из ответов на потребность коллегиального лидерства»).

2. Сглаживания трений, возникающих в результате роста взаимозависимости (reconcile the tensions of interdependence), по причине все возрастающего влияния внешних факторов на

внутриэкономическую ситуацию.

3. Объединения усилий в области политического руководства (*generate political leadership*), с целью повышения способности и эффективности сотрудничества глав государств и правительств, по сравнению с их представителями и министрами. Причем исследователь отмечает, что все эти цели остаются теми же и поныне.

Отечественный исследователь Богатуров также полагает, что важнейшей причиной возникновения «клуба» стала необходимость установления в мировой политике «конституционных начал», которые представляли бы собой «совокупность морально-политических ограничений против произвола сильнейших государств». По его мнению, встречи «Группы семи» в 1970-х годах, стали одной из составляющих подобного миросистемного регулирования наряду с Уставом ООН, НАТО, прекратившей свое существование в 1991 году ОВД и другими международными институтами.

Вполне естественно, что каждая из стран-участниц «семерки», а ныне «восьмерки», при формировании данного механизма преследовала свои собственные цели. С учетом того, что США играют доминирующую роль (*primus inter pares*), как в данной структуре, так и в мире вообще, то имеет смысл начать рассмотрение различных оценок роли каждой из стран-участниц именно с Соединенных Штатов.

По мнению Богатурова А.Д., «для понимания соотношения позиций на высших уровнях международной иерархии важно

иметь в виду, что из семи членов «восьмерки» помимо США – пять (Великобритания, Германия, Италия, Канада, Франция) являются союзниками Вашингтона по военно-политическому союзу НАТО, а один (Япония) связан с США двусторонними военно-политическими обязательствами. Система этих взаимных обязательств при военно-политическом и экономическом преобладании США над партнерами делает последних чувствительными к американскому влиянию».

Большинство специалистов полагают, что «семерка», а потом «восьмерка» является инструментом воздействия США на другие страны и таким образом воплощения своей внешней политики по всему миру. Хотя при этом необходимо отметить, что в ответ остальные страны-участницы также получили возможность некоторым образом влиять на политику США.

В течение долгого времени Вашингтон смотрел на многосторонние институты с подозрением и предпочитал вести дела на двусторонней, или даже односторонней основе. Но после окончания холодной войны в глобализирующемся мире США стали, по мнению профессора Киртона осознавать, что их относительные возможности в мире уменьшаются, а относительная уязвимость возрастает, и, соответственно, возрастает ценность для США «семерки»/ «восьмерки» (чтобы воплощать в жизнь посредством нее те идеи, которые ранее можно было проводить в одностороннем порядке).

Исследователь же Ристо Пентилля полагает, что самым

важным аспектом политики Соединенных Штатов по отношению к «Группе» является «отсутствие последовательности», если одна администрация рассматривает ее «в качестве ключевого элемента своей глобальной стратегии», то другая «практически забывает о ее существовании».

Тем не менее, основная масса исследований внешней политики США в отношении «восьмерки» оценивается следующим образом:

Существует мнение, что Соединенным Штатам, как преобладающей в мире стране не нужны такие международные институты как «восьмерка» для проведения своей внешней политики (неуместность «восьмерки» - *The irrelevant G8*).

По некоторым оценкам, «восьмерка» не сможет эффективно работать без США, следовательно Вашингтону следует руководить данным процессом (США, без которых нельзя обойтись – *The indispensable US*).

И, наконец, идея, что США доминируют в дипломатии как в рамках форума, так и за его пределами (господствующие США – *The predominant US*).

Опираясь на вышеизложенные доводы, следует вывод о том, что возникновение «семерки», как возможности разделить экономическое лидерство с США в период их временной слабости, никак не повлияло на поведение, политический курс и интересы в сфере политики и безопасности, также как и в других областях;

тем более, что позиции Соединенных Штатов вновь усилились при президентах Рейгане и Клинтоне.

Именно, на безусловном доминировании США строится модель американского лидерства, предложенная Бэйном и Путнамом. Ее суть состоит в определении зависимости успеха проведения саммитов от активности руководства США, а для этого необходимо наличие трех следующих факторов:

Америка желает и может лидировать при поддержке еще одной крупной страны в «семерке» (только США могут лидировать и выдвигать инициативы, а другие – нет. А если США этого не сделают, то саммит автоматически проваливается).

Лидеры вместе должны помнить уроки прошлого (так, если все будут помнить, что депрессия 1930-х явилась следствием повышения ими тарифов, они вряд ли будут использовать протекционистские меры в будущем и скорее будут содействовать либерализации торговли посредством саммитов).

В период проведения встреч в верхах не должны проходить выборы, особенно в США, иначе это отвлекает соответствующих лидеров от саммитов.

Также, с точки зрения классических реалистов, США, обладающие огромными возможностями, наименее связаны принимаемыми на саммитах обязательствами.

Сходных взглядов придерживаются и итальянские исследователи Р.Шерифис и В.Астральди, считая, что США рассматривают «восьмерку» как средство утверждения

американского лидерства на международной арене. Тем не менее, отмечается различие подходов республиканской и демократической администраций к «Группе», в зависимости от отношения каждой из них к многосторонним институтам в целом. На различных этапах деятельности «клуба» США выступали за усиление политической повестки дня, но при этом Вашингтон не заинтересован в наделении «восьмерки» полномочиями, которые могли бы поставить под вопрос прерогативы Совета Безопасности ООН и НАТО.

Соглашаясь с важностью положения Вашингтона в «восьмерке», Джина Стефенс утверждает, что глобализация значительно повлияла на роль этого государства в «Группе», которая претерпела изменения от традиционного доминирования к статусу более равного партнера. Исследователь склоняется к определению работы «восьмерки» как к коллективному управлению и распределению ролей между США, Европой и Японией. Эти взгляды разделяет Киртон, представивший другую модель зависимости успеха саммитов – модель концерта (Concert Equality Model):

все участники и их возможности относительно равны;

ограниченное участие (небольшое количество членов);

общие принципы (демократическое правление, рыночная экономика, разделенное чувство ответственности в сфере глобального управления);

твердый политический контроль всенародно избранными

лидерами;

ощущение того, что все участники взаимозависимы и уязвимы перед действиями других членов.

Некоторые авторы также считают, что роль США в «восьмерке» менялась в зависимости от международного положения этой страны и ее относительного могущества на мировой арене. Так, во времена наибольшего расцвета могущества Вашингтона, в некоторой мере оправдывала себя модель «американского лидерства», при условии выдвижения Соединенными Штатами инициатив и принуждения других принимать их. Но даже во времена наибольшего преобладания США не были в состоянии управлять миром в одиночку. Да и внутри «клуба» возможности лидерства всегда были и у других, более слабых партнеров. Например, в 1987 году Канада первой предложила коллективно от имени «семерки» осудить режим апартеида в ЮАР, и Рейган в конце концов вынужден был согласиться с этим.

Есть и другой взгляд на роль США, как на «запретителя» (vetoer), согласно которому Вашингтон может предотвращать появление определенных вопросов в повестке дня. Например, американцы выступают против превращения «восьмерки» в сложную структуру, включающую в себя много министерских встреч. Но в 90-е годы произошел рост числа отдельных встреч министров «семерки»/ «восьмерки», так что на настоящий момент более половины министерств в правительствах «восьмерки» имеют своих министров, участвующих в ее министерских форумах

США также не поддерживают создание рабочих групп и предпочитают, чтобы группа расформировывалась, решив определенный вопрос. Но с учетом количества существующих экспертных групп, США не преуспели в этом вопросе.

В целом, США рассматривают «восьмерку» как совет директоров, не хотят институционализировать этот форум, хотя для ЕС, Японии и Канады такой вариант более привлекателен.

Третий стиль поведения – «примадонна» – который заключается в предварительном рассмотрении того, какие вообще вопросы возникают, и лишь последующем решении о необходимости действий. При этом выдвижение собственных инициатив не практикуется. С учетом постоянных инициатив со стороны Канады, часть исследователей даже утверждает, что «США некоторым образом должны полагаться на интеллектуальное, техническое и политическое лидерство Канады». Также, например, в 1998 году, несмотря на скептицизм со стороны США, Италия настояла на включение в повестку дня вопроса борьбы с торговлей женщинами и детьми (у Италии длинная береговая линия рядом с Албанией и вопрос нелегальной иммиграции для нее серьезен). Подобным образом Франция настояла на том, чтобы в коммюнике в Денвере была включена проблема клонирования.

Следующая модель положения США в «Группе», несколько необычная с точки зрения ее применения к Вашингтону,

положение «мальчика для битья» (Whipping Boy). Так, в Денвере вопрос глобального потепления стал ключевым и был буквально навязан Клинтону, в результате чего, тому пришлось вплотную заняться этой проблематикой, чтобы не попасть впросак.

Далее США предстают в качестве «судьи» (referee), т.е. арбитра между другими членами «Группы». В такой роли США выступили в ситуации обсуждения проблемы борьбы с преступностью, а именно по вопросу экстрадиции, по которому существовал раскол внутри стран ЕС. Также США воздействовали на Японию в вопросах отношений с Россией.

И, наконец, последняя роль, в которой могут выступать США – роль «хорошего полицейского» (good cop). В данном случае США используются с тем, чтобы подтолкнуть определенные страны к действиям необходимым, но таким, которые не находят поддержки внутри этих стран. Так случилось и в случае банковского кризиса в Японии, когда последняя обратилась к Соединенным Штатам с просьбой подтверждения «семеркой» необходимости принятия определенных мер (хотя известны и прямо противоположные случаи, как, например, в 1993 году в Токио президент США использовал остальных членов «семерки» с тем, чтобы те надавили на США в вопросе сокращения размера бюджетного дефицита, что способствовало принятию конгрессом необходимого закона.

Некоторые отечественные исследователи считают, что США

играют внутри «восьмерки» довольно авторитарную роль, хотя и признают, что внутри «Группы» «развивается процесс децентрализации», имеющий несколько проявлений, в том числе в укреплении собственно «европеистского начала, пытающегося равноположить себя по отношению к атлантическому». При этом с их точки зрения Вашингтон де-факто признает наличие такой тенденции в рядах партнеров и «подчеркнуто стремится не допустить «фронды». Более того, «американская дипломатия рассчитывает не только закрепить за собой рычаги лидерского управления миром, но и обеспечить согласие на это со стороны самих управляемых». Действуя таким образом, США пытаются удержать Западную Европу, Японию и Россию «в режиме конструктивного диалога». С этих же позиций авторы объясняют «спокойствие, с которым Вашингтон согласился на трансформацию «семерки» в «восьмерку» за счет включения в нее России и стал в принципе поддерживать идею возможного присоединения в перспективе к «Группе восьми» Китая».

Другие же соглашаясь, что США являются лидеров в «восьмерке», полагают, что в «общих интересах мирового сообщества – не отчуждение США, а превращение их в ответственного лидера, учитывающего интересы и озабоченности своих партнеров».

По мнению Дж.Киртона, большой европейской четверке, т.е. Великобритании, Франции, Германии и Италии, «восьмерка» необходима также для «увиливания от бюрократии ЕС». Из всех

европейских стран Великобритании имеет свою специфику ввиду наибольшей из всех них ориентации на США. Шерифис и Астральди полагают, что Лондон, в принципе не возражает против дальнейшего укрепления механизма, хотя и не согласен с превращением диалога руководителей этих стран в институционализированное сотрудничество. Р.Пентилля полагает что подход Великобритании отличается прагматичностью: «восьмерка» всегда упоминается в выступлениях, т.к. таким образом «подчеркивается присутствие Великобритании во всех ведущих организациях, от Совета Безопасности ООН до НАТО и «восьмерки».

Франция никогда не разделяла мнения о способности «Группы» играть заметную роль в сфере международной безопасности и наоборот подчеркивала главенствующую роль Совета Безопасности ООН. Особенность отношения Германии и Италии к «восьмерке» определяется тем, что они рассматривают ее в качестве дополнительной возможности демонстрации важности своей роли на международной арене и получения широкого признания этого факта их партнерами. Каждая из этих стран уделяет особое внимание социально-экономическому развитию государств третьего мира, а также ценят возможность неформального и прямого обмена мнениями по проблемам глобального характера.

Схожие подходы и взгляды на свое место в «восьмерке» имеет и Япония, которая, как и Германия, являясь первоочередным претендентом на занятие места постоянного

члена Совета Безопасности ООН в случае осуществления реформы этой организации, также пытается посредством этого форума доказать зрелость своих подходов к современным международно-политическим проблемам, значимость этого форума для японской внешней политики чрезвычайно высока. Некоторые исследователи, не являющиеся гражданами ни одной из стран «клуба», полагают, что Япония в этом механизме должна представлять и отстаивать не только свои интересы, и даже не только интересы азиатско-тихоокеанского региона, но также и Африку, Ближний Восток и другие развивающиеся страны. И именно Япония должна «сместить акцент на саммитах с геополитики и баланса сил на геэкономику и баланс развития». По мнению Р.Шерифиса и В.Астральди Япония на самом деле в течение долгого времени делала особый упор именно на экономические проблемы.

Вопросам роли и отношения Канады к «восьмерке» традиционно много внимания уделяют ее собственные сограждане, в особенности профессор Университета Торонто Джон Киртон. Он считает, что несмотря на меньший по сравнению с другими государствами «Группы» вес, Канада играет чрезвычайно важную роль в этом механизме. Именно Оттава зачастую акцентирует внимание и является автором многих инициатив в вопросах решения важнейших проблем на мировой арене. Многие исследователи сходятся во мнении, что Канада придает наибольшее значение «восьмерочному» процессу (не случайно именно в Канаде была создана «Группа

по исследованиям «восьмерки», практически полностью спонсируемая канадским правительством). Р.Пентилля даже говорит, что «если бы «восьмерки» не существовало, то канадцы захотели бы ее придумать».

И, наконец, место и оценка позиций России в «восьмерке». Большинству западных исследователей и политиков в течение долгого времени было свойственно достаточно пренебрежительное отношение к России в «Группе». И наоборот, российские политические круги, представляется, иногда излишне завышали возможности России с точки зрения участия в этом форуме.

Анализ места России в «клубе» дает отечественный исследователь, посол по особым поручениям Луков В.Б. По его мнению членство в «восьмерке» имело «серьезное позитивное значение для укрепления позиций России на мировой политической арене». Хотя он отмечает, что, несмотря на увеличение «потенциальных возможностей влияния», оно далеко не всегда «трансформировалось в прямой рост воздействия России на ход международных дел».

В качестве примера «не символического» участия России в «Группе» Луков приводит события периода косовского кризиса, когда механизм «восьмерки», а именно встречи министров иностранных дел, был использован в июне 1999 года для срочной выработки проекта компромиссного решения Совета Безопасности ООН, впоследствии положенного в основу

резолюции СБ ООН 1244. Интересно, что ту же самую ситуацию канадский ученый Дж. Киртон трактует как проигрыш России.

Еще более оптимистичную оценку роли РФ Луков дает в своей более поздней статье, утверждая, что наша страна даже «находится в привилегированном положении в «восьмерке»: несмотря на последовательно жесткую позицию, занимаемую Россией в ходе Иракской войны, РФ смогла сохранить партнерские отношения с США». Он также отмечает, что встреча в Эвиане показала, что «Россия все больше рассматривается в «восьмерке», и вне ее не как реципиент помощи, а как ее донор».

В то же время, другие отечественные исследователи полагают, что «в силу экономической слабости она [РФ] фактически не обладает пока всем объемом привилегий членства в «восьмерке».

По мнению американского исследователя С.Сестановича «роль России в этом клубе и по сей день скорее символическая», т.к. «благодаря отсутствию процедуры как таковой приема в «Группу», Россия получила возможность вступить в эту группу без применения к ней строгих критериев членства, существующих в других международных структурах». Он утверждает, что изначально РФ пригласили участвовать в заседаниях клуба «в качестве политического жеста или в знак уважения».

Проблема роли и места России в «Группе» напрямую связана с вопросом времени окончательного преобразования

«семерки» в «восьмерку».

Как пишет Луков В.Б., «формирование «восьмерки» прошло через этапы, для каждого из которых были характерны свой собственный статус и формат участия России во взаимодействии с членами «семерки», своя насыщенность и результативность диалога».

Отечественный исследователь Смирнов, как, впрочем, и многие другие, считает, что формирование «восьмерки» началось с 1991 года, когда «высший представитель из Москвы первый раз принял участие в саммите «семерки» в Лондоне». С 1994 года, с подготовки к встрече в Неаполе, в обращение входит наряду с «семеркой» термин «восьмерка». И, наконец, «последним аккордом в формировании «Группы восьми» Смирнов считает саммит в Денвере.

Луков же считает, что в период с 1992 по 1995 годы Россия обладала «гостевым» статусом в «Группе», хотя признает, что уже с 1994 года председатели саммитов выступали с заявлениями по итогам общей дискуссии восьми государств (опять же с оговоркой, что участие российской стороны заключалось скорее в «самоотчетах», т.е. информации о ходе реформ и запросах о дальнейшей кредитной поддержке). Он также назвал этапной встречу в Денвере, в «ходе которой произошло становление «восьмерки» в сферах международной политики, экономики (отчасти) и глобальных проблем».

Рой Калперер считает, что «в 1994 году Россия стала

равноправным партнером «Группы», хотя и только в сфере политических вопросов, которые на тот момент занимали половину всей повестки дня. Но что касается финансово-экономической сферы и встречи министров финансов, то там Россия не стала равным партнером, в результате чего и появилось «это странное название» «семерка»/ «восьмерка»». Сэр Николас Бэйн согласен с тем, что на саммите в Неаполе образовалась полноценная «политическая восьмерка», но при этом «у России нет права претендовать на равенство в обсуждении экономических вопросов.

Исследователь Р.Пентилля полагает, что чрезвычайно важным этапом формирования «восьмерки» стал апрельский саммит по ядерной безопасности в Москве 1996 года.

В отличие от Смирнова, Киртон не считает 1997 год годом формирования полноценной «восьмерки». По его словам, желая сделать саммит в Денвере «историческим», Клинтон пригласил российского президента Б.Н. Ельцина практически на весь саммит кроме последнего заседания и назвал его «Денвером восьми» (Denver of the Eight). Ученый даже назвал 1997 год временем, когда ««семерка» подошла совсем близко к завершению того, что можно назвать «Второй российской революцией»». Но только лишь на Бирмингемском саммите 1998 года было торжественно объявлено, что «семерка» «отныне и навеки» превратилась в «восьмерку», а не только на одну встречу, как в Денвере. Но, тем не менее, перед началом более длительного саммита восьми участников с Россией в качестве

полноправного члена, лидеры «семерки» провели более узкую встречу. На тот момент автор назвал состав клуба «семеркой с половиной плюс три четверти с Россией».

Также 1998 год временем формирования полноценной «восьмерки» считают и исследователи Н.Бэйн, М.Ходжес и Дж. Дэниэлс.

Более осторожно к этой дате относятся авторы «Системной истории международных отношений», считая, что только тогда «впервые было сказано о возможности преобразования «семерки» в «восьмерку» и превращения России в полноправную участницу «Группы». Но ее продолжали приглашать на обсуждение только политических вопросов...». Временем же окончательного становления России в «качестве полноправного члена группы» они называют июнь 2002 года» (встречу в Кананаскисе). Такую же точку зрения высказал и президент Российской Федерации В.В.Путин в своем ежегодном послании Федеральному Собранию 2003 года. А вот В.Б.Луков отмечает, что только в процессе подготовке к Эвиану российские представители стали принимать полноценное участие.

Несмотря на элитарность и закрытость клуба, он все же восприимчив к изменениям, свидетельством чего как раз и стал тот факт, что после почти двух десятилетий неизменности членства, с распадом СССР к участию постепенно была приглашена его правопреемница Россия. Сейчас многие считают, что одним из недостатков «Группы восьми» является неучастие в

ней ряда крупнейших стран (хотя это зависит от того, в каком качестве будет функционировать «Группа» на мировой арене – прим. автора). Видный теоретик и практик Н.Бэйн отмечает, что существуют серьезные заявления о необходимости расширения «клуба» за счет таких крупных экономик третьего мира, как Бразилии, Индии и Китая. Дж. Киртон допускает вероятность включения в «Группу» в будущем Китая, но наибольшее предпочтение оказывает Индии. Отражением понимания этого эксперты считают то, что в ходе подготовки саммита на Окинаве Германия и Япония поднимали вопрос о приглашении КНР, от чего отказался сам Пекин. Хотя по свидетельству Медейроса и Фрэйвела сегодня политика КНР претерпевает изменения. Они отмечают, что «китайские стратеги все больше ассоциируют свое государство с великими, и все меньше относят себя к группе развивающихся стран, отношения с которыми стали определяться как второстепенные». Эксперты утверждают, что «одно это представляет серьезное изменение во внешнеполитических взглядах с 1990-х годов, когда многие китайцы считали, что их нация страдает от глобализации, политики других великих держав и многосторонних институтов. Теперь же китайские официальные лица ясно говорят о необходимости «разделения глобальной ответственности» между великими державами, в том числе и Китаем. Отражением подобных перемен стал тот факт, что президент Ху Дзиньтао явился первым лидером Китая, который посетил встречу восьми ведущих промышленных стран 8ки в июне 2003 года (хотя и как «член диалога» (“dialogue member”))».

Тем не менее, на данный момент, как считают авторы «Системной истории», «спектр политического сотрудничества КНР с «Группой восьми» ограничен. В рамках устоявшегося порядка Китай, по сути дела, исполняет роль «играющей по правилам», конструктивной, умеренной оппозиции, к которой он старается привлечь РФ, убедив ее выйти за рамки ориентации на опережающее развитие сотрудничества с Западом».

В книге «Управление глобальными финансами...» коллектив авторов отмечает, что «по мере изменения в распределении экономической и политической мощи в мире, «семерка» возможно должна будет пересматривать окончательность членства в ней». Но при этом «новые крупные члены принесут как определенную выгоду, так и издержки». К последним можно отнести большую трудность в достижении соглашений внутри «клуба». И в любом случае, тот факт, что членство в «Группе» ограничено, не говорит о том, что «интересы не членов будут игнорироваться».

Хотя сам состав вряд ли будет меняться в ближайшее время, наблюдатели отмечают тот факт, что «лидеры «восьмерки» стали привлекать новых акторов к участию с тех пор, как они стали встречаться отдельно на саммите в Бирмингеме. Ранее, по утверждению исследователя Н.Бэйна, саммиты были исключительно правительственного уровня, а теперь возникла настоятельная необходимость взаимодействовать с частными предпринимателями, являющимися движущей силой глобализации, а также многочисленными неправительственными

организациями. Кстати, впервые официальный центр для присутствия в нем неправительственных организаций был организован на саммите в Окинаве. В тот же год часть лидеров «восьмерки» встретилась с группой глав правительств из трех африканских стран и Тайланда в Токио по дороге на встречу в верхах. И, хотя, по мнению Бэйна, «изменения касались скорее формы, нежели сути, тем не менее, они увеличили прозрачность восьмерочного процесса».

Бэйн отмечает, что практически в течение всего последнего десятилетия 20 века «Группа» поддерживала официальные контакты с частными предпринимателями и профсоюзами посредством ОЭСР, но не имела никаких связей с неправительственными организациями.

Необходимость взаимодействия увеличилась в связи с усилением процессов глобализации. Этот феномен повлиял на различные аспекты деятельности «клуба». Возникла необходимость осознания лидерами существования новых условий и рисков, которые несет глобализация, и соответственно, признания настоятельной необходимости ответа на них.

Заместитель генерального секретаря ОЭСР С.Кондо приходит к выводу, что «Группа» занималась вопросами глобализации «с самого начала своего существования». Но чаще всего, специалисты временем начала обсуждения этой темы называют последнее десятилетие двадцатого века. Так, и Бэйн приходит к выводу, что проблемы глобализации и ответа на нее

стали доминировать на всех саммитах «Группы» в 90-х годах. Первое упоминание концепции глобализации автор находит еще в коммюнике саммита 1994 года в Неаполе. Он считает, что «первый ответ на глобализацию был сконцентрирован в сфере реформы международной экономической системы и ее институтов. Целью этого было укрепление системы для противостояния вызовам глобализации, эта деятельность продолжается и по сей день».

По его мнению, с 1998 года лидеры «концентрировались также на внутренней реакции на глобализацию: на страхах собственных граждан потери работы, увеличения числа преступлений, финансовой паники – уязвимость для внешних сил, неподконтрольных им (например: в 1998 году особое внимание было уделено вопросам занятости и преступности, в 1999 – социального обеспечения и образования, в 2000 – высоких технологий и старения населения)». Тем не менее, считает автор, «работа в этом направлении далека от завершения: некоторые меры были недостаточны, некоторые проблемы вернулись в видоизмененной форме (продолжается взаимодействие с международными институтами – например, в сфере финансов – реакция «семерки» 1995 года на кризис в Мексике не предотвратил более серьезные спекулятивные кризисы в 1997-98 гг. в Азии, России и Бразилии, поэтому в 1998 и 1999 годах большое внимание было уделено новой международной финансовой архитектуре».

Киртон же считает, что ответ «Группы» на вызовы глобализации не вполне адекватен. Так, лишь «в 1999 году лидеры «восьмерки» впервые признали, что глобализация несет риски трудящимся, их семьям и сообществам». Тем не менее, успехом деятельности «клуба» автор считает тот факт, что «ее участники сохранили «глобализационный» консенсус в пользу свободных трансграничных потоков капиталов и свободно плавающих обменных курсов, несмотря на обеспокоенность некоторых тем, что этот режим стал причиной беспокойства и социальной нестабильности».

Согласны с канадским исследователем и члены «теневой восьмерки», утверждающие, что свой «негативный вклад» внесла и «Группа восьми», фактически «признавшись в бессилии клуба и его лидеров, в частности, перед лицом мирового движения капитала». Но чтобы развеять недоверие и неприятие большинством глобализационных процессов, «Восьмерка» должна «более открыто заявлять о своем видении хода и перспектив глобализации», разрабатывать адекватную политику в ответ на «вызовы усилившейся мировой конкуренции».

Как полагает японский исследователь Ш.Уда, в сложившихся условиях «восьмерка» должна брать на себя определенную ответственность. Она «должна следить за тем, чтобы региональная интеграция государств-наций в конфедерации и заключение региональных соглашений составляли положительную и конструктивную основу для облегчения последствий

глобализации». При том, что саммиты обращаются к темам, относящимся к различным фазам глобализации, «восьмерка» «должна играть консолидирующую роль на каждом этапе процесса глобализации и служить эффективным мировым лидером, взяв на себя ответственность за глобальное управление, при условии соблюдения странами-членами взятых на себя в ходе саммитов обязательств».

В условиях глобализации не только возможностей, но и рисков особое место в деятельности «клуба» стала занимать проблема предотвращения конфликтов, в первую очередь конфликтов нового поколения. Киртон и Стефанова полагают, что «в широком смысле, предотвращение конфликтов занимало лидеров «семерки» с самого начала существования, т.е. с саммита в Рамбуйе в 1975 году». В заключительном коммюнике лидеры стран заявили, что центральной задачей нового института является способствование в глобальном масштабе провозглашению и утверждению ценностей открытой демократии, свободы человека и социального прогресса, а также, что «Группа» стремится снизить напряженность по линии разделения Запад-Восток. Но, как считают авторы, «только после окончания холодной войны «семерка»/ «восьмерка» стала напрямую концентрироваться на предотвращении конфликтов в современном смысле. Эта новая концепция предотвращения конфликтов выходит за рамки предыдущих усилий в области сдерживания (deterrence), принуждения (compellence), обороны

(defence), управления кризисами (crisis management) и военного миротворчества (peacekeeping), наблюдения за соблюдением перемирия (truce observation), посреднической дипломатии (mediatory diplomacy), и добрых услуг (good offices), когда конфликт уже возник или был на грани возникновения и распространения, с тем, чтобы остановить применение насилия в конфликте вообще. Её можно определить как краткосрочные и долгосрочные мероприятия по остановке, в первую очередь крупномасштабного и коллективного насилия и мероприятий, которые ведут к нему. Целью является не только сдерживание конфликтов, но и исключение самой возможности возникновения или продвижения к ним, или даже необходимости в конфликте между группами внутри или через национальные границы, в том числе и насилие государства над своими собственными гражданами».

Авторы считают, что «в начале 90-х «семерка» предвидела и следила за назревавшими, но зачастую, теми, на которые не обращалось должного внимания, конфликтами, как, например, Косово, предупреждала о последствиях в случае, если противоборствующие стороны будут двигаться в направлении применения насилия для достижения своих требований и указывала на центральную роль ООН в превентивной дипломатии».

Но «впервые лидеры «семерки» напрямую сослались на необходимость предотвращения конфликтов и подчеркнули важность укрепления ООН в выполнении таких функций» только в

1993 году на саммите в Токио.

Авторы прослеживают развитие деятельности «Группы» в этой сфере. В Галифаксе лидеры подтвердили необходимость раннего предупреждения кризисов, использование международного персонала, повышение роли региональных организаций в предотвращении конфликта, улучшенный анализ конфликта в сфере раннего представления информации в отношении прав человека и беженцев, а также концентрация на предоставлении помощи развитию тем, кто «продемонстрировал способность и обязательство использовать оную эффективно», и при этом учитывать тенденцию военных и других непродуктивных расходов.

Авторы также отмечают, что «в следующий семилетний цикл «Группа» пришла к созданию новой концепции и взяла на себя обязательства способствовать делу предотвращения конфликтов в глобальном масштабе. В Лионе в 1996 году лидеры «семерки» всерьез сконцентрировались на процессе и последствиях глобализации, включив туда же и проблему предотвращения конфликтов.

Кельн знаменовал собой серьезный прорыв и стал началом концентрированной, всеобъемлющей и последовательной работы «восьмерки» в направлении предотвращения конфликтов». Излюбленным примером эффективного взаимодействия «Группы» (и надо признать самого яркого) многих авторов является встреча в преддверии саммита министров иностранных дел «восьмерки»,

когда была согласована принятая впоследствии Советом Безопасности ООН Резолюция 1244. Впоследствии и сами лидеры способствовали прекращению конфликта в Косово.

На окинавском саммите лидеры уделили внимание проблематике предотвращения конфликтов и тесно связанным с ним вопросом способствования безопасности человека и т.д.

Бэйн указывает, что «на Окинаве был достигнут своевременный консенсус по Корее и проведена новаторская работа по предотвращению конфликтов, хотя данные темы необходимо развивать и далее, в первую очередь в ООН».

Предотвращение конфликтов, считают специалисты Дж.Киртон и Р.Стефанова, стало важнейшим вопросом в ходе подготовке и саммита в Генуе, цель которого состояла в достижении соглашения о развития процесса, начатого министрами иностранных дел «восьмерки» в Берлине в 1999 и в Миядзаки 2000 годах. Министры иностранных дел в Риме одобрили доклады о достигнутом прогрессе (progress reports) по проблемам легкого и стрелкового оружия (ЛСО), алмазов, детей в конфликте, гражданской полиции, конфликта и развития, а также добавили еще 2 новых темы – женщины в конфликте и частный сектор. На деле и министры, и лидеры похоже больше интересовались частными случаями конфликта, в первую очередь в Африке, чем общей концепцией предотвращения конфликтов, которая не обсуждалась в ходе саммита. Тем не менее, Генуэзский план для Африки содержал в себе серьезный компонент по проблеме предотвращения конфликтов.

Отечественные и зарубежные эксперты признают особую роль «Группы восьми» в противодействии мегатерроризму по ряду направлений. Одно из них имеет долгосрочный характер и направлено на подрыв социально-экономических корней терроризма через расширение помощи развивающимся странам. Действенной мерой была т.н. Кельнская инициатива «Группы восьми» – списание примерно половины долгов наиболее бедных стран (с 53 до 25,4 млрд. долларов). Не менее конкретны и другие действия «Восьмерки» – выработка системы мер, направленных на пресечение финансовых потоков террористических организаций, борьбу против отмывания «грязных» денег, усиление безопасности транспортных артерий, расширение сотрудничества пограничных служб в борьбе против незаконного перехода границ.

Ввиду широкого спектра рассматриваемых проблем и последовательной адаптации деятельности «восьмерки» к современным условиям особое значение приобретает ее роль и воздействие на мировые процессы. Здесь представляется чрезвычайно большой разброс мнений, от умеренных и даже пренебрежительных оценок до практически граничащих с эйфорией.

Так, исследователь Мунтян пишет, что «хотя США, Западная Европа и Япония действительно обладают решающим военно-политическим потенциалом современности, но их влияние на мировую политику не всеохватывающе. Об этом свидетельствует, в частности, стремление на каждом из ежегодных совещаний глав

государств и правительств "семерки" расширить этот "элитарный клуб" приглашением новых партнеров». Как доказательство этого он приводит пример России, которая «несмотря на экономическую равновесность» участвует в этих встречах. Говорит об этом также «то, что в концепции треугольной конфигурации геополитических сил не "умещаются" такие гиганты современного мира, как Китай, Индия, Бразилия, целый ряд государств, лидирующих в крупных модернизирующихся регионах, делает ее [«восьмерку»] нежизненной».

Японский представитель научного сообщества также не считает саммиты «восьмерки» мировым правительством, так как «оказываемое им влияние на различные международные организации ограничено». Тем не менее, с точки зрения глобального управления, роль «восьмерки» возрастает. По его мнению, «серьезный потенциал был заложен в результате изменения качества саммитов, т.е. в результате постепенного изменения его природы наряду с развитием глобального общества и изменением природы национального государства (постепенное расширение повестки дня с экономической на все остальные, а также участие России после окончания холодной войны)». Автор уверен, что «необходимо использовать саммиты для развития мирного процесса в региональных сообществах».

Отечественный же исследователь П.Смирнов полагает, что «в быстро меняющейся международной обстановке «Группа семи», вне всякого сомнения, сама переживает кризис самоидентификации, как и большая часть многосторонней

системы, включая ООН и НАТО, дальнейшая роль «семерки», в то время, когда векторы указывают на регионализацию (ЕС, НАФТА, АТЭС) оспаривается и встречаются даже призывы к ее упразднению или радикальной реорганизации.

Большинство авторов все же признает ее ведущую роль на международной арене, хотя отношение к этому механизму самое разнообразное.

Делая большой акцент на финансово-экономических аспектах, Р. Армстронг считает, что «восьмерка» «способствует развитию и лучшему функционированию макроэкономики в мире». Ему вторит Киртон, утверждая, что «восьмерка» является «эффективным центром глобального управления международной финансовой системой 21 века». Р.Калперер также считает, что «в течение всего своего существования «семерка» являлась (и продолжает оставаться) главным фактором глобального финансового управления».

Британская исследовательница Х.Ульрих согласна с тем, «семерка»/ «восьмерка» должна «в современных условиях обеспечивать адекватное лидерство в области многосторонней торговли посредством последовательной поддержки институтов и мероприятий, способствующих дальнейшей либерализации». Она не сомневается в том, что «с тем, чтобы лидерство «восьмерки» было действительно эффективным, она должна иметь мужество провозглашать собственное видение будущего».

Некоторые исследователи, напротив, рассматривают

«семерку» как инструмент эксплуатации третьего мира. Они утверждают, что «с помощью транснациональных корпораций, а также разветвленной сети международных организаций (МВФ, МБРР, ВТО, «семерка», Парижский и Лондонский клубы и др.) Запад успешно «вскрывает» окружающие «периферийные экономики», ориентируя их в нужном направлении. «Вскрытие» это ведет к различным последствиям, а именно:

«Экономическим (овладение рынками менее развитых стран, импорт высокотехнологичных товаров в обмен на экспорт сырья и материалов, получение на этой основе «технологической ренты», сброс в указанные страны устаревших технологий и «грязных» производств, отток оттуда ресурсов и мозгов);

Финансовым (ослабление местных валют, долларизация, громадный рост внешней задолженности «слабаков», которая не только закрепляет их зависимость, но и открывает кредиторам доступ к их ресурсам);

Информационным (контроль за информационными потоками, формирование общественного мнения)».

И хотя сегодня, как считают авторы, «в отличие от прошлых времен, насилие чаще подразумевается и применяется как *ultima ratio*», бывали случаи, когда данная политика подкреплялась и прямым насилием (НАТО).

Исследователи Модельски и Томпсон полагают, что «в третьем тысячелетии произойдет «реконфигурация союза демократий вокруг твердого ядра – Соединенных Штатов и

Европейского союза. Это ядро будет увеличено в результате расширения НАТО и Европейского союза, принятия России в «семерку», включения в ОЭСР Мексики, Польши и Южной Кореи... Партнерство США – ЕС будет главным основанием глобализированного мирового порядка в XXI в.».

Отечественный исследователь Пионтковский полагает, что «роль эффективного мирового правительства может выполнить только союз ответственных мировых держав, объединенных общим видением проблем и вызовов современного мира...», причем наиболее отвечающей этим требованиям он полагает «Большую восьмерку».

С точки зрения международно-политического влияния, Дж.Киртон отмечает уникальность «восьмерки», как «концерта равноправных великих демократических держав». Он считает, что «восьмерка» «вновь уверилась в своих силах. Кризис 1997-99 гг. разрушил прежние наивные предсказания о том, что возникающие рыночные экономики, во главе с Китаем неизбежно перехватят лидерство у «семерки» в сфере глобальной экономики 21 века. Более оптимистичным оценкам роли «восьмерки» в мире способствовало и успешное завершение Косовского конфликта в ходе встречи министров иностранных дел перед Кельном», что также свидетельствовало «о крупной совокупной военной мощи «восьмерки». Автор также считает, что «об укреплении ее роли и легитимности свидетельствует также создание Форума по вопросам финансовой стабильности (FTF) и Группы 20, а также

диалог с Китаем и другими азиатскими державами».

Исследователь С.Ханначи также считает, что «восьмерка» «де-факто осуществляет глобальное управление и должна делать это со всей ответственностью», а именно «сотрудничать с представительными институтами и механизмами глобального управления, такими как ООН, и особенно ПРООН и Совет Безопасности». Но при этом он уверен, что «саммиты должны подготавливать, а не заменять собой эти институты». «Восьмерка» также должна «способствовать воплощению в жизнь резолюций и планов действий в сотрудничестве с подобными международными региональными и субрегиональными организациями».

Дж.Стефенс отмечает, что несмотря на то, что первоначальная цель создания «Группы» ограничивалась макроэкономическим и валютно-финансовым регулированием внутри стран Запада, впоследствии она все больше стала восприниматься, как механизм глобального управления. Именно «восьмерка», с ее постоянным акцентом на проблемы окружающей среды, сокращения задолженности беднейшим странам и предотвращения конфликтов помогла «вписать» в структуру глобального управления «норм глобального сохранения и основных прав человека».

С.Кондо полагает, что саммиты имеют «громадный потенциал в деле превращения в центральный институт контроля за глобальным управлением», т.к.:

Лидеры «Группы» имеют политическую волю играть серьезную роль в сфере мирового правления.

«Группа» традиционно может оказывать влияние на мир с военной, политической и экономической точки зрения (8 стран обладают примерно двумя третями мирового валового продукта, 50% мировой торговли и 70% официальной помощи развитию (ODA)).

Она обладает т.н. «мягкой силой» (soft power), силой убеждения других придерживаться идей, проводниками которых она является, т.е. ценностей демократии, рыночной экономики и уважения прав человека.

Она занимается рассмотрением всего спектра существующих проблем.

«Группа» имеет партнерские отношения с широким кругом других участников международных отношений.

Дж. Киртон приводит другие причины, по которым он полагает, что система «семерки»/ «восьмерки» становится эффективным центром глобального управления:

Клуб все больше внимания уделяет вопросам, которые раньше находились в исключительном ведении национальных правительств. Взять к примеру образование – раньше не играло роли то, что в США, к примеру, думают об образовании в Японии, но в 2000 году впервые Японская сторона принимала у себя первую встречу министров образования «восьмерки».

«Восьмерка» является особым видом международного института.

Она представляет собой концерт эффективных равноправных членов, в котором даже такой самый маленький его участник, как Канада, может оказывать не меньшее влияние, чем самый сильный и большой его участник – США.

При ближайшем рассмотрении можно увидеть, что каждая из стран «восьмерки» лидирует в определенных вопросах, а также каждая должна приспосабливаться к мнению других, в том числе и США.

На примере таких серьезных кризисов, как глобальный финансовый кризис в Азии и война в Косово, можно увидеть, что совместные действия всех членов «восьмерки» способствовали успешному их завершению.

Важность «Группы» состояла еще и в том, что она привела ко «второй российской революции», «трансформировав военно-экспансионистский, авторитарный СССР в демократическую Россию (объединив демократические страны против советской экспансии, в первую очередь, когда СССР вторгся в Афганистан в 1979 году, а затем, являясь спонсором программ экономической помощи реформируемой России)».

При этом автор рассматривает «восьмерку» и ООН как конкурирующие органы в борьбе за глобальное управление. Его поддерживает и исследователь Бери, утверждая, что «Группа восьми» стала приобретать все более важную роль в связи с «устареванием Совета Безопасности».

Как конкурирующие структуры рассматривают «восьмерку»

и ООН и авторы «Системной истории международных отношений». «При направляющей роли США «явочным порядком» была осуществлена реорганизация глобальных структур мироуправления таким образом, что наряду с универсальным по охвату и официальным по статусу механизмом ООН вырос полузакрытый (по избранности допущенных в него членов) и неформальный (по типу принятия решений) - в лице «Группы семи» и сотрудничающего с ней блока НАТО. По ряду показателей воздействия на мировую политику неформальный механизм стал вровень с ООН». Российский политолог Богатуров А.Д. также отмечает, что под давлением «семерки» международное сообщество начинает *de facto* руководствоваться принципом «избирательной легитимности», когда ООН и другие международные организации все чаще рассматривают вопрос о «законности» правительственной политики в отдельных государствах. Более того, этот «параллельный неформальный механизм международного регулирования устоялся настолько, что его эффективность оказалась выше, чем у официального, ооновского».

В другой своей работе он вообще утверждает, что «семерка» является «главным конкурентом ООН, действовавшая в союзе с НАТО». Хотя рассматривая кризис в Ираке он и приходит к выводу, что и «восьмерка» не является главенствующей силой. Начало войны в Ираке свидетельствовало не столько о кризисе ООН, сколько «крах всей системы упорядочения мировой политики при

помощи международных институтов».

Вообще отечественные ученые определяют «политико-организационный тип нынешней системы международных и межгосударственных отношений в категориях современной теории политики ... как зародышево-авторитарный (доминирование, но не господство Запада, а в нем – США), закамуфлированный под олигархический («семерка», «восьмерка», или даже группа из 10-15 ведущих государств, фактически определяющих решения важнейших вопросов мировой политики и экономики). [...] Это тип, закамуфлированный под олигархический (но не олигархический в чистом виде) потому, что в «большой семерке» или «восьмерке» резко отличаются реальные вес и возможности США, с одной стороны, и иных участников группы, с другой. Формальное равенство прав пяти постоянных членов СБ ООН (иной возможный состав группы «государств-олигархов») ослабляется размыванием веса и роли СБ и ООН в целом по сравнению с «большой семеркой» и НАТО».

Противоположный взгляд на взаимоотношения ООН и «восьмерки» высказывают другие исследователи, в частности, участники круглого стола, проведенного Фондом перспективных исследований и инициатив. Они, наоборот, считают, что «важным является взаимодействие “Группы восьми” с ООН. При этом “восьмерка” не должна дублировать Совет Безопасности, маргинализировать его роль в решении международных проблем. Позитивные примеры взаимодействия “Группы восьми” и Совета Безопасности ООН уже имеются: именно министры иностранных

дел «Восьмерки» выработали в мае 1999 г. проект решения по Косово, который лег в основу известной резолюции СБ ООН N 1244».

Тем не менее, отдельные авторы рассматривают «Группу» как «всемогущественное зло». Так, Уткин А.И. считает, что восьмерочный механизм наряду с другими организациями типа ЕС, МВФ, ОПЕК, МЕРКОСУР и пр. «попирают самостоятельность суверенных держав».

Существуют и совсем крайние точки зрения, сделанные в духе предсказаний скорого конца света. Автор Леонов Н. пишет, что «Семерка» превратилась в мощное эффективное оружие США по превращению всего мира в простой придаток своей экономической и политической системы. Ежегодные совещания глав "семерки" превращаются в волны-цунами, которые, разрушая все национальные институты, расчищают поле для создания единого «нового порядка» на земле».

В.Луков же оптимистично рассматривает перспективы развития «Группы» и полагает, что воздействие «восьмерки» на мировые процессы является положительным. Он считает, что «к настоящему времени «восьмерка» выросла в один из наиболее влиятельных международных институтов. Роль «восьмерки» в международной системе определяется прежде всего реальным политическим, экономическим, да и военным весом участников «клуба». Так, в число государств-участников «Группы» «входят четыре из пяти "официальных" ядерных держав и четыре из пяти

постоянных членов Совета Безопасности ООН. Доля "восьмерки" в общемировом ВВП в середине 90-х годов составляла 62%, в международной торговле – 57%».

Основные функции, которые должна выполнять, по мнению автора, «восьмерка» в современных условиях заключаются в следующем:

Совместном регулировании ключевых процессов в международной политике, финансово-экономической сфере, а также в сфере глобальных и транснациональных проблем экологического, социального и гуманитарного характера.

Установлении и укреплении личных отношений между лидерами, укреплении взаимного доверия.

Проведении форума для выявления общих интересов по конкретным вопросам и их согласованию.

Выработке рамочных правил поведения участников и инициировании выработки правил универсального характера (исследователь называет «Группу восьми» своеобразным «катализатором» разработки таких программ, как режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ), Вассенаарского режима, ряда международных конвенций (по противодействию терроризму, борьбе с транснациональной преступностью и т.д.).

Участии в предотвращении или урегулировании кризисов.

Также Луков считает, что с учетом последних событий,

«необходимо максимально задействовать потенциал «восьмерки» как неформального «клуба» для сближения подходов сторон, восстановления доверия между лидерами после Ирака, поиска путей укрепления коллективных механизмов управления международной ситуацией, разблокирования целого комплекса обострившихся проблем мировой политики и экономики».

Он утверждает, что «восьмерка» стремится воздействовать на окружающий мир в основном силой примера. Так, основным итогом Эвианского саммита стало то, что ведущие страны мира могут восстановить взаимное доверие, консолидироваться и определить общие ориентиры движения к более управляемому, безопасному и экономически растущему миру эпохи глобализации». Итак, в перспективе, по мнению автора, «клуб» должен оставаться «одним из важнейших регулирующих механизмов международной системы в период ускорения развития процессов глобализации и нарастания из противоречивого воздействия на все сферы жизни общества».

Как мы видим, несмотря на отдельные противоположные мнения, большинство авторов все же склоняются к тому, что «Группа» восьми является важнейшим элементом миросистемного регулирования, хотя разнится понимание места и статуса «Восьмерки» в иерархии глобального управления.

Системная история международных отношений в 4ех томах. 1918-2003гг. Т.3, события 1945-2003. под ред. А.Д.Богатурова М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2003, с.375.

«Большая восьмерка»: возрождение лидерства», Россия в глобальной политике, Том 1, №2, апрель-июнь 2003, с.165-193

Луков В.Б. Россия в «Большой восьмерке»: 1992-2001 гг. Учебное пособие/ ДА МИД

РФ.М., 2001.

Луков В.Б. Россия в клубе лидеров. М. «Научная книга» 2002

«Большая восьмерка»: возрождение лидерства», Россия в глобальной политике, Том 1, №2, апрель-июнь 2003, с.165-193

Системная история международных отношений в 4ех томах. 1918-2003гг. Т.3, события 1945-2003. под ред. А.Д.Богатурова М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2003, с.375.

Stephens Gina The Toots of the New Consensus: The United States and the Transformation of the G8 System. Academic Symposium G8 2000 New Directions in Global governance? G8's Okinawa Summit 19-20 July, 2000, University of the Ryukus, Okinawa, Japan.

Луков В.Б. Россия в клубе лидеров. М. «Научная книга» 2002

Там же.

Kirton, John Daito Bunka University The G8 and Global Governance: the Role of Canada, Japan and the United States July 10, 2000

Bayne, N. "The G8's Past Performance, Present Prospects, Future Potential" for the symposium The Kyushu-Okinawa Summit: The Challenges and Opportunities for the Developing World in the 21st Century, Tokyo, Japan, July 17, 2000

Богатуров Алексей «Конституционный кризис» в мировой политике. Космополис №2 (4) Лето 2003 с.120-126

Системная история международных отношений в 4ех томах. 1918-2003гг. Т.3, события 1945-2003. под ред. А.Д.Богатурова М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2003.

Kirton, John "United States Foreign Policy and the G8 Summit", 2000, www.g8.utoronto.ca

Пентилля, Ристо. «Политическая анатомия «Большой восьмерки». Международные процессы. №3, сентябрь-декабрь/2003. с.90-103.

Kirton, John "United States Foreign Policy and the G8 Summit", 2000 www.g8.utoronto.ca

Bayne, Nicholas & Putnam, Robert "Hanging Together: the Seven-Power Summits", 1987

Ibid.

Sherifis R. And Astraldi V. The G7/G8 from Rambouillet to Genoa. Milano, Franco Angeli, 2001.

Stephens Gina The Roots of the New Consensus: The United States and the Transformation of the G8 System. Academic Symposium G8 2000 New Directions in Global governance? G8's Okinawa Summit 19-20 July, 2000, University of the Ryukus, Okinawa, Japan.

См. Kirton, J. "The G-7 and Concert Governance in the Global Financial Crisis of 1997-99" for the annual conference of the International Studies Association, March 15-19, 2000, Los Angeles; Kirton, J. "New Directions in Twenty-First Century Governance Prospects for the 2000 Okinawa Summit", London School of Economics and Political Science Forum, Nippon Press Centre, Tokyo, July 13, 2000; Kirton, J. "The G7 and China in the Management of the International Financial System", Centre for International Studies University of Toronto, 2000; Kirton, J. "Broadening Participation in Twenty-First Century Governance: The Prospective and Potential Contribution of the Okinawa Summit", The Kyushu-

Okinawa Summit: The Challenges and Opportunities for the Developing World in the 21st Century, Tokyo, Japan, July 17, 2000; Kirton, J. Economic Co-operation: Summitry, Institutions, and Structural Change, 1997; Kirton, John Daito Bunka University The G8 and Global Governance: the Role of Canada, Japan and the United States July 10, 2000, Kirton, John and Panova, Victoria "Coming Together: Prospects for the G8 Evian Summit" 2003 G8 Pre-Summit Conference "Governing Globalization: G8, Public and Corporate Governance" May 27, 2003, INSEAD, Fontainebleau, France www.g8.utoronto.ca
Hodges, Michael R., Kirton, John J., Daniels, Joseph P. eds. The G8's Role in the New Millennium", Ashgate, Aldershot, 1999
Hajnal, Peter, "The G7/G8 System: Evolution, Role, and Documentation", Ashgate, Aldershot, 1999

Kirton, John "United States Foreign Policy and the G8 Summit", 2000

Системная история международных отношений в 4ех томах. 1918-2003гг. Т.3, события 1945-2003. под ред. А.Д.Богатурова М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2003, с.639-640

Пионтковский Андрей «Новые вызовы безопасности XXI века и перспективы создания «мирового правительства» HYPERLINK "http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/" «Вестник Европы» 2003, №9 HYPERLINK "http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/pion.html" <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/pion.html>

Kirton, John "United States Foreign Policy and the G8 Summit", 2000

Sherifis R. And Astraldi V. The G7/G8 from Rambouillet to Genoa. Milano, Franco Angeli, 2001.

Пентилля, Ристо. «Политическая анатомия «Большой восьмерки». Международные процессы. №3, сентябрь-декабрь/2003. с.90-103.

Там же.

Луков В.Б. Россия в клубе лидеров. М. «Научная книга» 2002

Hannachi, Salah, Ambassador of The Republic of Tunisia to Japan for the symposium, The Kyushu-

Okinawa Summit: The Challenges and Opportunities for the Developing World in the 21st Century, Tokyo, Japan, July 17, 2000 www.g8.utoronto.ca

Sherifis R. And Astraldi V. The G7/G8 from Rambouillet to Genoa. Milano, Franco Angeli, 2001, P. 172

Kirton, John and Panova, Victoria "Coming Together: Prospects for the G8 Evian Summit" 2003 G8 Pre-Summit Conference "Governing Globalization: G8, Public and Corporate Governance" May 27, 2003, INSEAD, Fontainebleau, France www.g8.utoronto.ca

Пентилля, Ристо. «Политическая анатомия «Большой восьмерки». Международные процессы. №3, сентябрь-декабрь/2003. с.90-103.

См. Например Луков В.Б. Россия в «Большой восьмерке»: 1992-2001 гг. Учебное пособие/ ДА МИД РФ.М., 2001; Луков В.Б. Россия в «восьмерке» Pro et Contra. Том 6, Осень 2001. Внешняя политика России:1991-2000. с. 33-45; Луков В.Б. Россия в клубе лидеров. М. «Научная книга» 2002

Международная жизнь, №8, 2003.

Луков В. Фактор доверия (К итогам Эвианского саммита «Группы восьми»), с.3-11, Международная жизнь, №8, 2003.

Системная история международных отношений в 4ех томах. 1918-2003гг. Т.3, события 1945-2003. под ред. А.Д.Богатурова М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2003, с.10.

Сестанович С. Где истинное место России? Pro et Contra. Том 6, зима-весна, 2001. Внешняя политика России:1991-2000. с.153-170

Луков В.Б. Россия в «Большой восьмерке»: 1992-2001 гг. Учебное пособие/ ДА МИД РФ.М., 2001.

П.Смирнов «Семерка»/ «Восьмерка» на Окинаве. Международная жизнь, №7 2000, с. 44-53

Луков В.Б. Россия в клубе лидеров. М. «Научная книга» 2002

Culperer, Roy "Systematic Reform At A Standstill: A Flock Of "Gs" In Search Of Global Financial

Stability, The North-South Institute President, 2000 www.g8.utoronto.ca

Bayne, N. "Changing Patterns at the G7 Summit" G7 Governance No.1 (May 1997)

Пентилля, Ристо. «Политическая анатомия «Большой восьмерки». Международные процессы. №3, сентябрь-декабрь/2003. с.90-103.

Kirton, John Daito Bunka University The G8 and Global Governance: the Role of Canada, Japan and the United States July 10, 2000

см. Например Daniels, Joseph P. and von Furstenberg, George "Economic Summit Declarations, 1975-1981: Examining the Written Record of International Cooperation", Princeton University Press, Princeton, NJ, 1992; Hodges, Michael R., Kirton, John J., Daniels, Joseph P. eds. The G8's Role in the New Millennium", Ashgate, Aldershot, 1999; Bayne, N. "Hanging in There: the G7 and G8 Summit in Maturity and Renewal", Ashgate, Aldershot, 2000

Системная история международных отношений в 4ех томах. 1918-2003гг. Т.3, события 1945-2003. под ред. А.Д.Богатурова М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2003.

Путин В.В. Таков способ воспроизводства России как сильной страны. (Послание Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 г., Москва), с. 3-23, Международная жизнь, №6, 2003

Луков В. Фактор доверия (К итогам Эвианского саммита «Группы восьми»), с.3-11, Международная жизнь, №8, 2003.

Bayne, N. "Changing Patterns at the G7 Summit" G7 Governance No.1 (May 1997)

Kirton, John Daito Bunka University The G8 and Global Governance: the Role of Canada, Japan and the United States July 10, 2000 www.g8.utoronto.ca

Medeiros, Evan S. and Fravel, M. Taylor China's New Diplomacy. Foreign Affairs, HYPERLINK "http://www.foreignaffairs.org/2003/6.html" November/December 2003

Системная история международных отношений в 4ех томах. 1918-2003гг. Т.3, события 1945-2003. под ред. А.Д.Богатурова М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2003.

Fратиани, Michele; Savona, Paolo; Kirton, John J. Governing Global Finance. New Challenges, G7 and IMF Contributions. Ashgate Publishing Limited, Aldershot, England, 2002, P.4.

Bayne, N. "The G8's Past Performance, Present Prospects, Future Potential" for the symposium The Kyushu-Okinawa Summit: The Challenges and Opportunities for the Developing World in the 21st Century, Tokyo, Japan, July 17, 2000

Bayne Nicholas First Thoughts on the Okinawa Summit, 21-23 July 2000, www.g8.utoronto.ca

Kondo, Seiichi "Globalisation, Governance and the G8 Summit 2003 G8 Pre-Summit Conference "Governing Globalization: G8, Public and Corporate Governance" May 27, 2003, INSEAD, Fontainebleau, France www.g8.utoronto.ca

Bayne, N. "The G8's Past Performance, Present Prospects, Future Potential" for the symposium The Kyushu-Okinawa Summit: The Challenges and Opportunities for the Developing World in the 21st Century, Tokyo, Japan, July 17, 2000

Fратиани, Michele; Savona, Paolo; Kirton, John J. Governing Global Finance. New Challenges, G7 and IMF Contributions. Ashgate Publishing Limited, Aldershot, England, 2002

«Большая восьмерка»: возрождение лидерства», Россия в глобальной политике, Том 1, №2, апрель-июнь 2003, с.165-193

Uda Shinichiro Globalization and the Role of the Summits. Academic Symposium G8 2000 New Directions in Global governance? G8's Okinawa Summit 19-20 July, 2000, University of the Ryukus, Okinawa www.g8.utoronto.ca

Kirton, J. With Stefanova, R. Conflict Prevention and Human Security: G8, United Nations, and EU Governance. Ashgate. 2003

Ibid.

Bayne Nicholas First Thoughts on the Okinawa Summit, 21-23 July 2000
Kirton, J. With Stefanova, R. Conflict Prevention and Human Security: G8, United Nations, and EU Governance. Ashgate. 2003. P.206-207

Круглый стол экспертов Польши, России и США на тему «Повестка дня международной безопасности: в поиске общих решений». Фонд перспективных исследований и инициатив. 25.01.2003 (HYPERLINK "<http://www.psifoundation.ru>" www.psifoundation.ru)

Мунтян М. Международные отношения в координатах общественного развития Academic Symposium G8 2000 New Directions in Global governance? G8's Okinawa Summit 19-20 July, 2000, University of the Ryukus, Okinawa, Japan, Uda Shinichiro Globalization and the Role of the Summits.

П.Смирнов «Семерка»/ «Восьмерка» на Окинаве. Международная жизнь, №7 2000, с. 44-53

Armstrong, Robert "Economic Summits: A British Perspective" Bissel Paper #4 Centre for International Studies, UofT, May, 1988

Kirton, J. "The G7 and China in the Management of the International Financial System", Centre for International Studies University of Toronto, 2000

Culperer, Roy "Systematic Reform At A Standstill: A Flock Of "Gs" In Search Of Global Financial Stability, The North-South Institute President, 2000

Ullrich Heidi Stimulating Trade Liberalization after Seattle: G7/8 leadership in Global governance, Academic Symposium G8 2000 New Directions in Global governance? G8's Okinawa Summit 19-20 July, 2000, University of the Ryukus, Okinawa, Japan

Глобализация и крупные полупериферийные страны. Отв. Ред.: Хорос В.Г., Красильщиков В.А., Салицкий А.И. Москва, «Международные отношения», 2003, с.13.

Modelski G., Thompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-First Century: An Evolutionary Approach // International Studies Review. Summer 1999. No. 1. P. 131.

Пионтковский Андрей «Новые вызовы безопасности XXI века и перспективы создания «мирового правительства» HYPERLINK "<http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/>" «Вестник Европы» 2003, №9 HYPERLINK "<http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/pion.html>" <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/pion.html>

Kirton, J. "New Directions in Twenty-First Century Governance Prospects for the 2000 Okinawa Summit", London School of Economics and Political Science Forum, Nippon Press Centre, Tokyo, July 13, 2000

Hannachi, Salah, Ambassador of The Republic of Tunisia to Japan for the symposium, The Kyushu-Okinawa Summit: The Challenges and Opportunities for the Developing World in the 21st Century, Tokyo, Japan, July 17, 2000

Stephens Gina The Toots of the New Consensus: The United States and the Transformation of the G8 System. Academic Symposium G8 2000 New Directions in Global governance? G8's Okinawa Summit 19-20 July, 2000, University of the Ryukus, Okinawa, Japan

Kondo, Seiichi "Globalisation, Governance and the G8 Summit 2003 G8 Pre-Summit Conference "Governing Globalization: G8, Public and Corporate Governance" May 27, 2003, INSEAD, Fontainebleau, France

Kirton, John Daito Bunka University The G8 and Global Governance: the Role of Canada, Japan and the United States July 10, 2000

Barry, T. G8/G7 and Global Governance Foreign Policy in Focus. Vol.5. No.23. July 2000.P.7

Системная история международных отношений в 4ех томах. 1918-2003гг. Т.3, события 1945-2003. под ред. А.Д. Богатурова М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2003.

Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике. Pro et Contra. Том 4, Осень 1999. Проблемы глобализации. С.28-48

Богатуров Алексей «Конституционный кризис» в мировой политике. Космополис №2 (4) Лето 2003 с.120-126 (с.125)

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. «Очерки теории и политического анализа международных отношений.» - М.:НОФМО, 2002, с.327-328.

Круглый стол экспертов Польши, России и США на тему «Повестка дня

международной безопасности: в поиске общих решений». Фонд перспективных исследований и инициатив. 25.01.2003 (HYPERLINK "<http://www.psifoundation.ru>" www.psifoundation.ru)

Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001.

Леонов Н. Глобализуйся а то погибнешь. Русский дом HYPERLINK "<http://www.pravoslavie.ru/rusdom/globalize.ru>" <http://www.pravoslavie.ru/rusdom/globalize.ru>

Луков В.Б. Россия в клубе лидеров. М. «Научная книга» 2002

PAGE

PAGE 36